Первые люди

С. Б. Радзиевская

Рам и Гау

Повесть об обезьянолюдях

Первые люди

Софья Радзиевская

Рам и Гау

Издательство "РуДа"

1967

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Радзиевская С. Б.

Рам и Гау / С. Б. Радзиевская — Издательство "РуДа", 1967 — (Первые люди)

ISBN 978-5-6041907-3-9

Около миллиона лет тому назад в лесах бродили первые люди, произошедшие от обезьян. Они и с виду больше походили на обезьян, чем на современных людей. Учёные называют их первой ступенью развития человека – «обезьянолюдьми». В повести увлекательно и научно обоснованно рассказывается об их трудной, полной опасностей жизни. Обезьянолюди страдают от холода, постоянно переходят с места на место в поисках еды, сражаются с дикими зверями и с чужими племенами. Они только начинают говорить, но в ряде их поступков уже проявляются первые проблески человечности, они уже изготавливают первые грубые орудия и впервые сталкиваются с огнём. Для широкого круга читателей.

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6041907-3-9

© Радзиевская С. Б., 1967
© Издательство "РуДа", 1967

Содержание

Рука Природы 7
Глава 1 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Софья Борисовна Радзиевская
Рам и Гау

© Издательство «РуДа», 2019
© С. Б. Радзиевская, наследники, 2019
© В. М. Пингачёв, иллюстрации, 2019
© Н. В. Мельгунова, художественное оформление, 2019

Рука Природы

Читателю, который держит в руках эту книгу, предстоит переместиться во времени на сотни тысяч лет назад и вместе с её автором, Софьей Радзиевской, отправиться в путешествие по древнему миру. Ну и что, скажете вы, сегодня стоит включить нужный канал телевизора, и можно отправиться в парк юрского периода. А в книжных магазинах яркие обложки так и кричат – одно приключение необычнее другого…

Однако эта книга особенная, в некотором роде даже единственная в мире. Почему – объясню чуть позже. Мне же эта повесть о маленьком человеко-зверёныше дорога ещё и тем, что она возникала, глава за главой, на моих глазах. Я видел, как из ниоткуда, из фантазии моей бабушки, которая уже тогда, в середине 60-х годов прошлого века, была известным в стране писателем, появлялись один за другим эти странные существа из другого мира. Вот мальчик Рам, оставшийся без матери и усыновлённый рыжей собакой. Вот силач Урр, победивший самого грозного врага – саблезубого тигра. Вот предводитель орды Гау. Вот старый Мук, который – единственный из всех – умеет обтачивать камни, превращая их и в грозное оружие для защиты, и в подобие ножа для разделывания добычи – обезьяночеловек, которого можно назвать Мастером…

Я был первым читателем, вернее, слушателем всего, что в те годы писала бабушка, – она проверяла на мне, будут ли интересны детям её очередная повесть, роман или просто короткий рассказ. И всегда внимательно относилась к моим словам. А я, исполненный гордости, оттого что моё мнение так ценно, входил в роль настоящего эксперта – давал советы, спорил, настаивал на изменении каких-то событий. Самое удивительное – бабушка иногда шла навстречу. Например, в одной из повестей она вернула к жизни отважную собаку, которая, спасая людей, вступила в схватку с медведем. Я рос, был уже подростком, юношей, наконец, стал журналистом, писал свои книги, но в нашем ритуале с бабушкой ничего не изменилось: если была возможность, и мы оказывались рядом, она усаживала меня, доставала папку с завязочками, извлекала из неё странички, исписанные уверенным почерком с неповторимыми живописными завитушками и бесчисленными аккуратными вклейками. У неё, конечно, была хорошая пишущая машинка с дарственной надписью от Татарского Союза писателей (в то время мы жили в Казани), но писала она всегда от руки – до последних дней. И вот слушая её голос, которым она очень точно очерчивала эпизод за эпизодом, я, как и в детстве, испытывал наивное нетерпение: что же произойдёт дальше? Только теперь уже, как профессионал, мог по достоинству оценить её особенный дар – хрустальный слог, тонко проброшенную интригу, точно угаданную кульминацию – всё то, что составляет драматургию в любом виде искусства. И отмечал верность того внутреннего слуха, который определяет чувство меры. Ей было уже глубоко за восемьдесят, но проза её оставалась свежей и современной – разве что лёгкий намёк на сентиментальность выдавал в ней женщину, родившуюся в девятнадцатом веке, выросшую в дворянской среде, где почитали Карамзина и Жуковского.

А сегодня мы читаем нашему внуку-дошкольнику её повести и рассказы, и я думаю ещё об одном удивительном свойстве бабушкиной прозы: она и доступна, и интересна для всех возрастов. Ребёнку нравится – и это, конечно, хорошо, ведь моя бабушка всю жизнь считалась детским писателем. А искушённый взрослый читатель отметит пластичность и точность литературного языка. И глагольную образность. Это когда действие создаёт картину, а не желание автора расцветить описание всеми красками. Отчасти это традиция пушкинская: при сравнении его стихотворных строк со стихами других известных поэтов той же эпохи выясняется, что у него меньше всего эпитетов, которые, казалось бы, и должны создавать колорит и цветопись. Но у него эту роль выполняют глаголы. С их помощью он вырисовывает и героев, и все события. И они воспринимаются зримо.

То же легко отнести и к прозе, если она поэтически и ритмически легка, соразмерна дыханию – так и просится для чтения вслух в кругу семьи. Это присуще и книгам бабушки. Простота её строк естественна и понятна детям. Но в этой простоте нет упрощения, что делает её вневозрастной.

Описанные бабушкой истории всегда необычны, неожиданны. В то же время её книги объединяет одна особенность: их герои всегда оказываются в обстоятельствах, которые, кажется, преодолеть невозможно, но они их преодолевают. Не потому, что это супергерои – теперь наше жизненное пространство заполонили именно такие книги и фильмы. На этом фоне сейчас, возможно, даже больше, чем в те годы, когда бабушка писала свои книги и не было этой бездумной коммерческой лавины фэнтези, её истории нужны как глоток воды в пустыне.

Представьте себе, например, как во время войны фашистский десант уничтожает случившуюся на его пути деревню – детей, стариков – всех под корень, чтобы не осталось свидетелей. Но все же некоторым удалось спастись – кто-то спрятался в лесу, кого-то из малых детей засунули в печку, и она уцелела после пожара. Словом, образовалось маленькое сообщество, которое спастись могло только на острове посреди непроходимых болот. И никто не знал к этому острову тропинки. А дальше – да, приключения, опасная трясина, дикие звери, ни еды, ни питья, и надо было даже детям не потерять мужества и найти спасение в самой дикой природе, из которой мы все вышли, разгадать её секреты, научиться тысяче полезных вещей. Читая такую книгу, ты сам оказываешься в описанных обстоятельствах и проживаешь чужую судьбу как свою, испытывая то страх, то гордость и восторг от его преодоления.

Или эпопея, единственная в своем роде, – не сказка, а быль, – превращённая писателем в повесть, которую я отношу к шедеврам. 1797 год. Трое поморов и с ними десятилетний мальчик занесены бурей на дикий заполярный остров Шпицберген, где их тут же встречает коварный и очень голодный белый медведь. Опасность смотрит из-за любого выступа снежных торосов, а у охотников – одно ружьё и двенадцать зарядов… Даже день продержаться в таких условиях – подвиг. Но помощи ждать неоткуда, и они проводят во льдах целых шесть лет! Испытания Робинзона Крузо бледнеют по сравнению с тем, что пришлось пережить им. Но поморы нашли спасение в умении приложить свой житейский и охотничий опыт к обстоятельствам.

В таких книгах бабушка пыталась ответить на вопрос: что такое человек в этом огромном мире, и так ли уж ограничены его возможности?

Вообще, мне кажется, жизнь самой Софьи Радзиевской, начавшаяся в XIX веке и закончившаяся во времена перестройки, вместила в себя несколько самостоятельных и очень насыщенных событиями жизней. Да и сама она словно бы соединяла в себе несколько людей, каждый из которых был по-своему глубок.

Она была полиглотом, то есть свободно владела всеми европейскими языками и еще шестью – пользуясь словарём. Это позволяло ей в подлиннике читать редкие рукописи и добираться до ценнейших источников знаний.

Она была энтомологом (закончила в Петербурге Бестужевские высшие женские курсы), автором учебного пособия, которым на протяжении нескольких десятков лет пользовались студенты. Исследуя природу Средней Азии, она верхом изъездила многие горные районы. Спустя годы ей приходилось слышать сложенную горцами легенду о хрупкой русской женщине, не уступавшей в скачках отважным джигитам и с удивительным искусством стрелявшей из «короткого ружья». Легенду о самой себе. Увлечение энтомологией было так серьёзно, что в поисках большой и яркой, как птица, бабочки – голубого махаона – она отправилась в далекую Маньчжурию, где попала в руки жестоких хунхузов и спаслась только благодаря своей необыкновенной находчивости. Вот как она сама описала тот случай в автобиографической повести «Голубой махаон»:

«Хунхузы меня окружили, начальник перевёл им, что я сказала.

Они качали головами, тыкали пальцами в моих бабочек и жуков и что-то повторяли.

Начальник снова повернулся ко мне.

– Ты нам лекарство сделай.

Я украдкой посмотрела на баночку с цианистым калием, висевшую у пояса. Это морилка для насекомых, но смертельный яд и для людей.

«Что если… Нет, не могу!»

– Я сама лекарства готовить не умею, – продолжала я, всё больше входя в роль. – Я в Петербург везу, там продаю.

– Шибко жаль, – покачал головой начальник.

…Пошли. Начальник пешком, рядом со мной, разговариваем. А я то в одну сторону отбегу, то в другую, ловлю насекомых, в морилку складываю. Мне не мешают. И не обыскали меня. Это хорошо, пистолет при мне.

Рассказала я и про свою «сиротскую жизнь», и как на доктора трудно учиться, а идём уже час, второй начался.

– Что же, говорю, точно сама с собой рассуждаю, не пора ли домой?

А начальник улыбается:

– Нет, пойдём с нами.

– Ну, ладно, с вами веселее, ещё на ту сопку пройдём, может быть, ещё каких насекомых найду.

Начальник опять с тем хунхузом переглянулся. С чего бы это? И тут я почувствовала – надо кончать. Как? Теперь самой себе следует правду сказать. Вон там скала нависла над тропинкой, в ней углубление. Если в него заскочить – я точно в пещерке буду, только спереди ко мне подойти можно. Оттуда стрелять удобно: пять пуль им, а последняя – себе.

И горше всего в эту минуту была мысль – никто не знает, что я сейчас должна умереть. Если бы хоть кто-нибудь знал – было бы легче.

Иду, думаю так, а кругом такая мирная красота. Но все ближе эта расселина в скале… И это – конец.

Я засунула руку в карман и тронула предохранитель. Всё! Вот и скала… И тут я остановилась. Остановился и начальник. Посмотрел на меня с удивлением.

– Я дальше не пойду, – сказала я громко. – Меня капитан Симановский прогонит, куда я денусь? А ты мне дай проводника домой, чтобы не заблудиться.

За меня словно говорил кто-то другой, а я сама себя с удивлением слушала.

Что за глупость? Какой проводник? Стрелять надо. А сама всё говорю…

Теперь мне ясно, что тогда я бессознательно старалась отдалить самое страшное. Браунинг я потихоньку уже начала вытягивать из кармана… Но начальник не дал мне договорить. Он вдруг протянул руку, дотронулся до моего лба, улыбнулся совсем по-другому, хорошо улыбнулся, и сказал:

– Пойдёшь домой. Дам проводника.

Я так и остановилась на полуслове. А один из хунхузов уже сошёл с лошади, ему начальник что-то сказал, поманил меня рукой и пошёл по тропинке обратно.

У меня вдруг ослабели колени, я чуть не села на землю, но сдержалась».

Потом выяснилось: хунхузы приняли девушку за слабоумную, потому что не испугалась, не плакала и не молила о пощаде. А обидеть богом обиженного в тех краях считалось тяжким грехом.

Её интерес и любовь к природе были всегда конкретны – дома у неё в разное время жили ручной волк, барсёнок, большой говорящий попугай. Я уж не говорю о бесчисленных собаках и кошках, кем-то обиженных или искалеченных и бережно ею выхоженных.

Она прекрасно играла на фортепиано, профессионально рисовала, была рассказчиком, способным обворожить любого собеседника. Мне как журналисту приходилось выслушивать

тысячи людей, но столь искромётно образной, правильной, логически точной устной речи я не встречал больше ни у кого.

Её живой голос и сейчас со мной, он записан на двух больших круглых магнитофонных катушках. Там всего два эпизода из её жизни, обсказанных так искусно, что всё происходившее цветным веером разворачивается перед глазами.

Я вижу юную Софью в пору гражданской войны, живущую в мире прекрасных книг, чуждую всякой политике. Но она возмущена безобразной сценой: красноармейцы венчали несчастного попа с лошадью. Она пишет об этом в газету. Большевики заносят её в чёрный список как опасного преступника, ей грозит арест. Спасаясь, Соня вместе со своим будущим мужем Афанасием – двухметрового роста и силищи неимоверной – бежит в отряд Булата Балаховича. И ещё одна сказка рушится: Балахович, бывший человеком одного с ней светского круга, представлялся бабушке блестящим офицером, благородным и справедливым, а оказался обыкновенным разбойником, промышлявшим в смутное время грабежом. Ей грозит роль наложницы, жениху – «случайная» смерть. И снова бегство и путешествие по заблудившейся в историческом тупике больной и голодной стране.

Второй эпизод – это прыжок в конец 30-х годов. Бабушка едет из Ташкента в Москву на приём к самому Сталину, чтобы спасти брошенного в тюрьму человека. Его, работника службы «Заготзерно», арестовали как злостного вредителя: обнаружив в хлебном амбаре мучного клеща, решили – нарочно развёл, чтобы людей травить. Чем в ту пору могло обернуться заступничество, известно: шансов последовать за «врагом народа» было куда больше, чем снять навет. К Сталину её, конечно, не допустили, а учинили допрос. Некий человек, как вспоминала бабушка, «с лицом Малюты Скуратова», полузакрыв тяжёлые воспалённые веки, тихо и зловеще спросил, может ли она доказать невиновность арестованного. Она, не задумываясь, отвечала: «Я каждый день на ваших глазах буду съедать полную миску мучных клещей. Они безвредны». Кажется, только тогда он её заметил и оглядел с головы до ног. Палачи тоже иногда могут позволить себе такую роскошь, как великодушие. Её отпустили. А вскоре вернулся домой и тот, чью жизнь она спасла.

Бабушка была удивительно сильным человеком, абсолютно равнодушным к лести, деньгам, славе. Её внутренний мир, будто храм редкостной красоты и гармонии, во всём своём многообразии ярких интересов, привычек и чёрточек, выстоял наперекор беспощадному времени, гнувшему и ломавшему людей, менявшему общественную моду и вкусы, обесценившему альтруизм и благородство. В ней всё это сохранялось до конца дней, до последнего вздоха, до последней строчки. На 97-м году жизни, попав в одну из московских больниц «для профилактики», она дописывала книгу, которую начинала ещё в годы войны – о диких съедобных растениях. Причём начинала своеобразно: ездила в казанских трамваях и делилась с людьми знахарскими секретами, чтобы они могли прокормиться и выжить в лихую годину.

Бабушкой написаны десятки книг, в которых мир людей и мир природы, как и в ней самой, неразделимы. В её внутреннем космосе одинаково значимы и очень серьёзная жаба, каждый вечер приходившая на террасу человеческого дома послушать музыку (рассказ «Том-музыкант»), и киргизская овчарка, измученная в поисках мальчика, с которым её насильно разлучили, опускающая в прохладный арык истерзанные лапы (повесть «Джумбо»), и старый Мук, наш обезьяноподобный предок, которому бы по нынешним временам и Нобелевской премии было мало, ведь он научился добывать огонь (повесть «Рам и Гау»).

Конечно, я читаю её книги немного иначе, чем вы. В голосах родившихся в бабушкином воображении героев я слышу её неповторимую интонацию. Кому-то могут показаться придуманной красивостью слова юного графа Гентингдонского, будущего Робин Гуда, объявившего, что ради спасения друзей он добровольно сдаётся рыскающим по лесу слугам шерифа (роман «Тысячелетняя ночь»). Но я-то знаю – это она. И когда маленький, дрожащий от каждого шороха полузверёныш Рам вдруг остаётся в лесу с больным стариком, вопреки своему

страху потерять орду, я опять слышу – это она. И потревоженная в берлоге белая медведица, пощадившая мальчика, и взрослый охотник, ответивший ей тем же (повесть «Остров мужества») – это всё попытка достучаться до наших с вами сердец и – без дежурной морали – поселить в них благородство и искренность, которые, как она считала, и есть истинное богатство в жизни, а остальное – дым, суета сует.

Я обещал объяснить, почему книга «Рам и Гау» – единственная в своём роде. Бабушка первой попробовала понять и описать процесс зарождения человеческого в существах, которые ещё относились к миру зверей. Обезьянолюди – это всего лишь научный термин. И наука утверждает, что в очень давних и неясных границах времени (примерно миллион лет назад) спустившийся с деревьев питекантроп стал прямоходящим, иначе бы не смог выжить в дикой природе, ведь у него не было ни острых когтей, ни клыков, а с помощью рук можно было научиться защите. И эта необходимость – использовать руки – привела к стремительному развитию передних долей мозга. Став умнее других, он поднялся на самый верх пищевой цепочки. Но что это объясняет? В борьбе за выживание человек победил? Но почему человек, а не умная обезьяна? Как возникли жалость, сочувствие, потребность защищать слабых, способность дружить, благородство, готовность пожертвовать собой ради других? Наконец, любовь?

В книге «Рам и Гау» человеческие эмоции ещё непонятны тем, кто их начинает испытывать, но они пробиваются, как ручей сквозь скалы. И этот поток потом будет не остановить, несмотря на все пороки человечества и человеческой природы, о чём мы с бабушкой не раз говорили. Она была снисходительна к людским недостаткам, объясняя их «тяжёлым наследством», и очень ценила способность подняться выше собственных эгоистических интересов, то есть быть альтруистом. Она вовсе не считала этих людей белыми воронами, искала истоки такой поведенческой модели, когда человек ставит общие интересы выше собственных. Конечно, всё можно объяснить воспитанием, идеологией, но как учёный-биолог бабушка видела в этом нечто большее – руку самой Природы. И её обрадовало, когда знаменитый советский приматолог и антрополог Михаил Неструх в отзыве на книгу не только отметил достоверность в описании древнего мира и жизни орды, но и нашёл интересной интуитивную версию автора о зарождении человеческого начала. Всего лишь версию, потому что в те годы наука об этом молчала. А сегодня заговорила – и как! Не буду пересказывать длинные статьи, скажу главное: в осмыслении эволюции человека теперь всерьёз рассматривается не только конкурентная борьба, но и альтруизм. В первобытном мире могла выжить лишь та орда обезьянолюдей, где больше было тех, кто готов пожертвовать собой ради спасения детей, женщин и своих товарищей. Орда, которая была на это неспособна, погибала, превращаясь в тупиковую веточку эволюции.

Бабушка не могла этого знать, но именно это она и показала в деталях и красках в своей необычной повести.

Виктор РАДЗИЕВСКИЙ

Глава 1

Солнце близилось к закату, но определить это было трудно – низкие свинцовые тучи сплошь застилали небо. Всё чаще и чаще вспыхивали молнии, но грома ещё не было слышно: гроза надвигалась откуда-то издалека. Стояла мёртвая, зловещая тишина, и от этого становилось страшнее, чем если бы загремел гром. Так чувствовали все: птицы примолкли, не взлетали над травой насекомые, в глубине леса затаились, выжидая, звери.

На лесной поляне одиноко стоял огромный дуб. Когда-то молния опалила его верхушку и сожгла верхние ветки, но сила жизни одолела: новые, молодые побеги пробились сквозь толстую кору и зелёным кольцом окружили обугленные сучья.

Кусты орешника вдруг раздвинулись, и на поляну вышло странное существо. Короткие, немного согнутые ноги его поддерживали сильное длинное туловище, огромные челюсти выдавались вперёд, как у обезьяны, а маленькие глаза, глубоко спрятанные под нависшими бровями, блестели насторожённо и сердито.

Но эта была не обезьяна: сутулое существо крепко стояло на ногах, а длинные руки не опирались на землю по-обезьяньи. В одной руке оно держало камень с грубо заострённым краем, в другой – тяжёлую дубину.

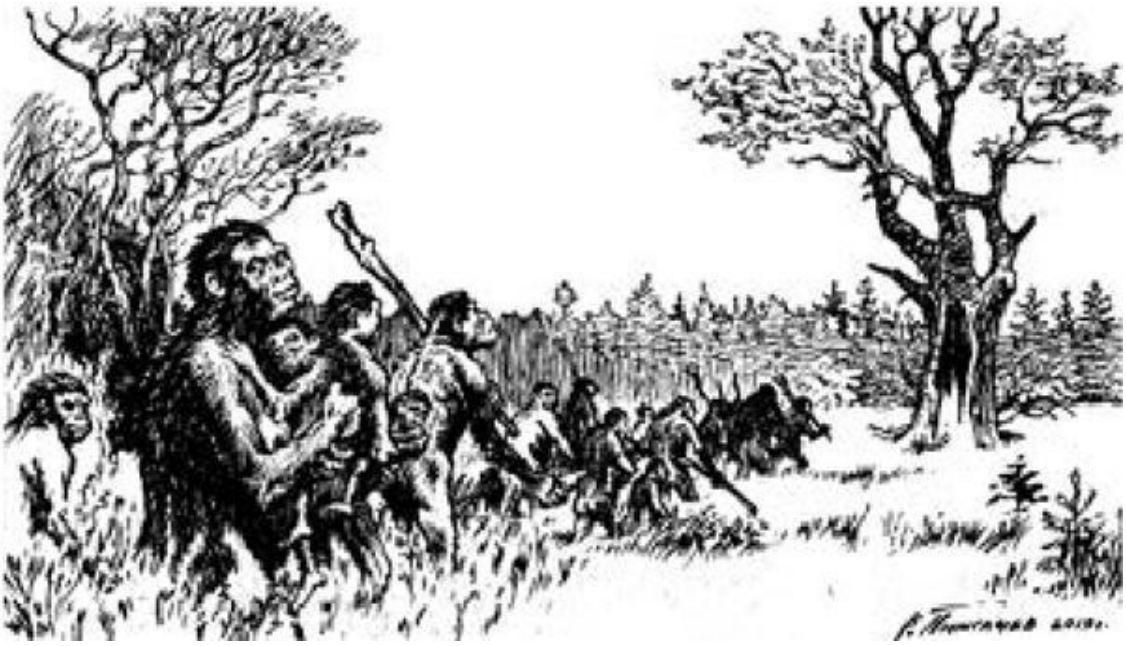
Озираясь и останавливаясь на каждом шагу, человеческое существо сделало несколько осторожных шагов в сторону дуба. Оно глубоко втягивало воздух широкими ноздрями плоского носа, стараясь уловить запахи. Но, видимо, неподвижный воздух ничего не сказал ему. Существо сердито оскалилось, оглянулось и издало приглушённый крик, отдалённо напоминающий членораздельные звуки. Тотчас же кусты орешника зашевелились снова: такие же сутулые мохнатые фигуры молча скользнули в густой траве и сбились вокруг своего вожака в тесную кучу.

Их было около пяти десятков, мужчин и женщин, некоторые матери несли на руках малышей, дети повзрослее сами бежали рядом и, кажется, чем-то сильно напуганные, жались на бегу к матерям. Никто из них не имел и признаков одежды, мужчины и женщины были одинаково мохнаты. У одного из них в шапке коротких волос блестела седина.

По всему видно: люди спасались от какой-то опасности, но теперь, потеряв надежду избежать её, решились встретиться с врагом лицом к лицу.

Лес, простиравшийся на сотни километров, не имел ни скал, ни возвышенностей, на которых было бы удобно принять бой. Нельзя было спастись и на деревьях – враг, преследовавший их, умел выжидать, пока истощённые жертвы сами свалятся ему в пасть. Обезьянолюди – первые люди на Земле – понимали это. Они остановились и ждали. Здесь, на поляне под дубом, встретить врага лицом к лицу и дать ему отпор было легче, чем в зарослях.

Страшный саблезубый тигр преследовал бродячую орду. И не один уже раз, притаившись где-то рядом, выхватывал то женщину, то ребёнка, в вчера унёс молодого сильного мужчину. Орда должна была погибнуть целиком или вступить в бой. Она решилась.



Вождь орды, вышедший на поляну, продолжал распоряжаться. Ещё несколько гортанных звуков, и все дети и матери собрались у старого дуба. Мужчины с заострёнными камнями и дубинами образовали вокруг них кольцо. Самый коренастый и сильный из них опустил на землю огромный грубо обколотый камень. Казалось удивительным – как мог человек тащить на себе такую тяжесть! По сравнению с остальными это был настоящий великан: тёмные волосы, покрывающие его тело, были длиннее и гуще, чем у других, на груди и плечах они свисали длинными прядями, точно грива. Глаза прятались под мохнатыми бровями и блестели оттуда по-звериному. Урр звали этого силача. Удобно положив камень на землю, чтобы можно было сразу нагнуться и схватить его, мужчина глубоко вздохнул и пошевелил широкими мохнатыми плечами.

Предводитель был менее силён, но более ловок в движениях, и его камень был заострён лучше, чем у других.

– Гау! – тихо позвал силач и показал на темнеющее небо и на кусты. Предводитель кивнул головой и сердито зарычал. Обоим было понятно: если тигр дождётся темноты, отражать нападение станет труднее. Но тут же Гау пригнулся и застыл, сжимая в руках оружие.

В том месте, откуда люди только что вышли, кусты орешника дрогнули и раздвинулись. Огромный тигр не торопясь вышел на поляну и остановился. Какой-то ребёнок тихо вскрикнул и умолк.

Тигр много дней преследовал бегущую орду и привык смотреть на неё, как на свою законную добычу. Сейчас он ещё не успел проголодаться и не особенно торопился. Ему просто захотелось осмотреть свою будущую еду. Но что-то в поведении людей заставило его насторожиться. Их неподвижность и мёртвое молчание не понравились зверю. Тигр потянулся, хлестнул себя хвостом по полосатым бокам и вызывающе заревел. В ту же минуту яркий свет молнии разорвал тучи и упал на ревущую пасть, на острые белые клыки и красный дрожащий язык.

Люди не выдержали. Они тоже закричали, завыли, зарычали звериным рыком, в котором не было ничего человеческого. Они махали палицами, рвались навстречу зверю, в отчаянии жаждая последней битвы.

В первую минуту тигр смутился и попятился от такого рёва. Но в следующую неожиданный вызов тех, кого он уже считал своей добычей, разгорячил его кровь. Тигр с ответным рёвом припал к земле и, распрямившись, взлетел в воздух. В полёте сверкнуло его белое брюхо. Миг

– и он подмял под себя сразу нескольких человек и тут же вскочил, держа в пасти ещё живое, бьющееся тело…

Но вот с земли поднялся залитый кровью Урр с камнем в руках. Огромный камень взлетел в воздух и опустился на золотистый тигриный затылок. Послышался ясно различимый даже в общем рёве хруст, и зверь упал, роняя захваченную добычу.

Люди орды закричала от радости громче, чем кричали до этого от ярости и боли. Их крик никто не услышал: в то же мгновение яркая молния осветила раскрытые рты, и раздался удар грома, от которого все в ужасе попадали на землю, закрывая головы руками.

Гроза подкралась и забушевала так внезапно, будто именно к этому времени и готовила все свои силы. На этот раз молния до корня расколола старый дуб. Когда люди подняли головы, на поляне было светло как днём. Вершина дуба лежала на земле, разбитая на куски; оставшийся ствол пылал ярким пламенем, как огромная свеча. При свете её виден был тигр, неподвижный, с раздробленной головой, и отползавшие в разные стороны люди. От ужаса они готовы были опрометью кинуться во мрак, окружавший поляну, но громкий крик Гау остановил их. Боязливо и неохотно собрались они вокруг него. Яркий свет пожара казался страшнее темноты. Однако привычка к послушанию была сильнее: вернулись все, подползли раненые. Три распростёртых тела остались лежать около убитого тигра. Вздрагивая, люди со страхом оглядывались на жарко разгоревшийся костёр. Гроза уже унеслась дальше, едва смочив землю дождём…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.